

김하림

깨어나지 말 걸 그랬어

Пролог

Прохладный, слегка влажный ветер продувал насквозь. Со дня школьного выпускного прошла уйма времени. Что я позабыла здесь, на крыше чужой школы? Тягостные воспоминания вдруг волной нахлынули на меня. Возможно, именно они привели меня сюда. По архитектуре здания было понятно, что школа старая. Я схватилась за грязный бетонный парапет.

Будто находясь в забытьи, я сначала перекинула левую ногу, затем осторожно перенесла правую и оказалась на краю крыши. Потеряв баланс, тело слегка наклонилось, но, к счастью, снова обрело равновесие. Стоять здесь было небезопасно, я только что чуть не свалилась. Сердце от испуга колотилось как бешеное, заставляя кровь циркулировать быстрее. Взгляд упал вниз — у меня потемнело в глазах. Сорвешься — и мгновенная смерть.

По телу пробежал леденящий холод — на краю обрыва я и моя жизнь. Внизу не было никакого навеса, который бы мог защитить от падения с пятнадцатиметровой высоты. Стоит ветру усилиться, и я упаду, меня будет уже не собрать. Длинные волосы развевались

на ветру и липли к лицу, отчего голова кружилась еще больше.

Выступ парапета был недостаточно широким, чтобы стоять устойчиво. Тело опасно зашаталось, словно я иду по канату и балансирую над пропастью. Ветер усиливался. Если б я знала, что кто-то стоит позади, то не стала бы совершать такие опрометчивые действия. Порывы ветра стали сильнее, подталкивая меня в спину. Но в этот момент, инстинктивно раскинув руки, я повернулась назад — и это спасло меня.

Все случилось за доли секунды, я даже не успела вскрикнуть. Ноги повисли в воздухе, а мои четыре пальца цепко впились в шершавый бетон парапета, предательски дрожа. Я нервно искала взглядом помощи. Вдруг я увидела чье-то лицо. Кто-то смотрел на меня сверху. Стало очевидно — меня толкнули.

Я просила о помощи, умоляла протянуть мне руку. Но незнакомец пристально смотрел на меня без малейшего движения. Яркий свет не позволял рассмотреть черты его лица.

Все мои чувства подсказывали, что еще мгновение, и я сорвусь с крыши. И вдруг я поняла: если упасть сейчас, то это будет уже не случайность, а убийство. Даже если мне удастся подтянуться и забраться, этот человек не оставит меня в живых. Но мне это уже не под силу. Пальцы не выдерживают напряжения, соскальзывают, и вот уже только два удерживают меня от неминуемой смерти. Изо всех сил я напрягаю их. Тело пронзает острая боль. Раздается хруст — средний палец ломается. Внезапная боль вызывает лишь удивление. Я падаю вниз.

Глава 1

Слезы?

Наверное, из-за них мой взгляд затуманен и перед глазами все расплывается. В ушах слышится собственное дыхание. Время идет, очертания предметов становятся более четкими. Белый потолок, специфичные запахи. Опустив глаза, я замечаю длинный катетер капельницы, прикрепленный к моей руке. Над головой раздаётся ритмичный механический звук.

Кажется, я в больнице. Тело будто каменное, дышать удается с трудом, чувства притупились, мышцы словно онемели. Обоняния нет, я не уверена, что смогу заговорить. Полежав немного, я ощутила зуд вокруг носа и рта — на мне кислородная маска. Аппарат жизнеобеспечения для пациентов, которые не могут дышать сами. Я вспоминаю о Сугён, своей единственной сестре. Где она и почему я здесь в таком состоянии?

Взгляд Ёнён зацепился за чей-то силуэт. В палате находился кто-то еще. Она видела нечетко, но это явно была не Сугён. Через некоторое время, встретившись глазами с человеком, который в упор смотрел на нее, Ёнён узнала лицо женщины.

Получится ли заговорить? Она сделала несколько глубоких вдохов через плотно прилегающий респиратор. Ее голосовые связки напряглись, послышался хрип.

— Извините. — Сиплый голос будто был заперт в маске и не мог выйти наружу, он настолько изменился, словно был и не ее. — Что вы там делаете?

При каждом слове маска начинала двигаться, доставляя неудобства. Каждое слово давалось с трудом — горло горело, словно его обожгли. Ёнён поняла, что кроме них в палате никого нет, и снова попыталась заговорить:

— А где ваша дочь Минсо?

Женщина с удивлением смотрела на больную. Ёнён хотелось о многом расспросить ее, но без ответа на предыдущий вопрос было бы невежливо переходить к следующему. Ей показалось, что та разворачивается и удаляется от нее. Ёнён могла лишь следить взглядом за движениями женщины. Непонятно, то ли собралась уйти, то ли просто пошла прикрыть дверь, но вдруг она подошла ближе к кровати и протянула руку к кислородной маске Ёнён.

— Ёнён, ты...

— Где я? В больнице? — спросила Ёнён, начав самостоятельно дышать. Она так и не получила ответ на вопрос, почему мать Минсо находится здесь без своей дочери, но поспешила задать следующий вопрос. Ей не терпелось узнать побольше. Голова кружилась от непонимания. Ёнён задумалась над промелькнувшим воспоминанием. Как будто она где-то висит, вот-вот упадет и разобьется.

— Кажется, я упала с крыши школы, где училась Сугён.

Женщина хотела что-то ответить, но умолкла при этих словах. Она побледнела, но Ёнён не обратила на это внимания и продолжила говорить.

— В тот день у Сугён был выпускной. — Произнося эти слова, Ёнён осознала, что звучат они странно. До выпускного еще целый месяц. Непонятно. Как будто в пазле не хватало какой-то важной детали.

Женщина отрицательно покачала головой. Кажалось, будто она дрожит. «Что с вами?» — хотела спросить Ёнён, но не решилась. И так слишком много вопросов осталось без ответа. Но не спросить про сестру она не могла: «Где моя сестра, Сугён?» Голос прозвучал так, словно она находится под водой.

Женщина пристально посмотрела на Ёнён и с каменным выражением лица подошла к ней. Она неспешно пододвинула стул поближе к кровати. Металлические ножки скребли по полу, нарушая тишину больничного покоя.

— Да, ты упала с крыши школы. Все так и было. Помнишь, значит, — сказала она и наклонилась к Ёнён.

— А потом что произошло? — поинтересовалась Ёнён.

— Потом? Когда? После падения с крыши?

Ёнён не могла понять суть вопроса. Снова вместо ответа последовал лишь сочувственный вздох. Исхудавшее бледное лицо женщины выглядело уставшим.

Сугён и Минсо были близкими подругами. Конечно, Ёнён знала в лицо маму Минсо. Но, посмотрев на

нее сейчас, она почувствовала странную неловкость. Определенно знакомое лицо, но она словно смотрит на чужого человека. Почему же такая неловкость? Вдруг в голове один за другим стали всплывать обрывки воспоминаний — тут же ее пронзила резкая боль. Она упустила что-то важное, на что нельзя было закрыть глаза. Ёнён попыталась приподняться, но это оказалось непросто. Все тело охватила колющая боль.

Мне же на работу надо. Если лечение затянется на несколько дней, то придется брать больничный, как озарение пронеслось в ее голове. Окончив школу, она нашла работу с большим трудом. Это будет ее первый прогул за три года!

Мать Минсо долго молчала, о чем-то задумавшись, но о чем именно, Ёнён догадаться не могла. От этого ей стало не по себе. И вдруг женщина сказала:

— Все это случилось одиннадцать лет назад.

Ёнён не сразу смогла понять, о чем идет речь.

— Времени уже много прошло. Похоже, ты ничего не помнишь.

Мать Минсо замолчала, ожидая реакции Ёнён.

Вдруг Ёнён вспомнила, что так и не услышала ответ на главный вопрос, и переспросила:

— А Сугён где?

— Зачем о ней спрашивать?

— Где она? — Ёнён почувствовала странное ощущение, с дрожью в голосе она повторила вопрос.

— Зачем она тебе?

Ёнён не поняла встречного вопроса. Он казался настолько абсурдным, что девушка не сразу смогла

собраться с мыслями и что-то ответить. Она прокашлялась и наконец сказала:

— Она ведь моя сестра.

Мать Минсо нахмурилась, а затем отвернулась и, тяжело вздохнув, произнесла:

— О крыше помнишь, а о Сугён забыла?

— Что вы имеете в виду? Крыша и Сугён какое имеют...

От затянувшейся паузы у Ёнён сжались кулаки, но сил в них не было. Заглянув в глаза женщины, она поняла, что многое уже не так, как прежде. *Что же изменилось?*

— Сугён мертва.

Это прозвучало как самая ужасная из возможных шуток на свете. Ёнён уставилась на нее. Она ждала извинений за такую бестактность, но лицо собеседницы выражало грусть, губы были плотно сжаты. Женщина пристально посмотрела на Ёнён:

— С головой у тебя явно что-то не то.

Обычно такое можно услышать, когда дети дразнят друг друга. Но Ёнён поняла, что мать Минсо говорила об этом абсолютно серьезно. Дыхание Ёнён участилось:

— О чем вы говорите? Но почему? Когда?..

Краткий ответ как ножом отрезал все вопросы:

— Одиннадцать лет назад.

— Одиннадцать?

— Именно. Похоже, из-за травмы головы ты все забыла...

— Но почему она умерла? Как? Когда? У вас есть доказательства? Зачем вы так шутите?

— Это правда.

— Когда это произошло?

— В 2009 году.

Выражение лица женщины ясно говорило о том, как ей надоело объяснять одно и то же. Но Ёнён не могла успокоиться:

— Сейчас 2009 год. Когда именно умерла моя сестра? Скажите дату!

В печальном взгляде женщины мелькнула горькая решимость. А губы, накрашенные красной помадой, произнесли нечто странное:

— Сейчас вообще-то... 2020-й. Поэтому и говорю — одиннадцать лет назад.

* * *

Ёнён рассеянным взглядом смотрела в потолок палаты. Услышанное никак не умещалось в голове. Чтобы принять новую реальность, нужно было время.

Врач и медсестра, которые только узнали, что пациентка пришла в себя, поспешили в палату, прервав своим появлением начавшийся разговор. Закончив обязательный осмотр, врач заверил Ёнён, что все в норме. Но добавил, что для выписки понадобится курс физиотерапии, потому что мышцы атрофировались. Что же касается памяти, то проблема, похоже, возникла еще за месяц до происшествия. Современная медицина в этом вопросе пока бессильна. Вернется память или нет, никаких прогнозов врач не дал.

Ёнён стала расспрашивать, что именно с ней произошло до и после падения с крыши, но врач и медсестра порекомендовали обращаться к ее опекуну

Ли Санми. Ёнён попыталась разузнать подробности смерти сестры, но ее снова направили к Ли Санми.

— А кто такая Ли Санми? — удивилась Ёнён.

Как ни странно, мать Минсо и была Ли Санми.

Врач вышел, а медсестра осталась закончить необходимые процедуры и вскоре тоже ушла — в палате стояла тишина. Ёнён ощущала сильную слабость, она не могла сама встать с кровати. *Неудивительно, ведь я одиннадцать лет провела в коме.* Она никак не могла поверить, что упала с крыши школы, в которой училась сестра, и чудом осталась жива и что все это произошло одиннадцать лет назад.

Ей удалось узнать только, что Сугён погибла за месяц до ее падения. Видимо, Ёнён сама пришла в школу в день выпускного, через месяц после смерти сестры. Зачем она вообще пошла на выпускной, если сестры уже не было в живых? Но в ее голове не было ответа на этот вопрос.

После развода родителей они остались с отцом. Когда он заболел и умер, ей было всего восемнадцать, а сестре — пятнадцать. Ёнён стала старшей в семье. Она решила не поступать в университет, а пошла работать и соглашалась на любую подработку. Но для выпускницы школы, не имевшей особых навыков, которая готовилась не к трудоустройству, а к поступлению в колледж, шансы найти работу были крайне малы. В конце концов, отчаявшись, она пошла в свою школу с просьбой хоть как-то помочь. Благодаря рекомендациям учителей она устроилась на работу в туристическую компанию.

Карьеру Ёнён начала с самого низа. Чтобы удержаться на этой должности, ей приходилось учиться самостоятельно, не рассчитывая на какой-то курс от организации. Денег еле хватало на жизнь. Все, что оставалось, она бережливо откладывала. Ее главной целью стало отправить Сугён в университет. Хотя сестра была всего на три года младше, Ёнён чувствовала на себе огромный груз ответственности за нее.

Январь. Впереди выпускной, а в марте начинался новый учебный год¹. Во время каникул Сугён ни о чем особенно не заботилась. Она лениво проводила время дома, полностью забыв о делах. Ёнён не наседала на нее — позволяла вдоволь отдохнуть. Как-то раз за ужином она решила спросить у сестры о поступлении в колледж и планах на будущее. На удивление, реакция была весьма бурной. Видимо, приблизительно в то время Сугён и совершила самоубийство. В памяти не осталось никаких воспоминаний об этом.

Ёнён повернула голову и напротив кровати увидела зеркало. Сотрудники больницы для ее удобства установили его именно там, потому что передвигаться свободно она еще не могла. Из глубины зеркала на нее смотрела незнакомка. Она не сводила с нее глаз.

* * *

Ёнён проснулась — вокруг темнота. Три часа ночи. Единственным источником света были огни ночного города, проникавшие через окно. Ёнён уже по привыч-

¹ В Южной Корее учебный год начинается 1 марта, а выпускные проходят в феврале. (Здесь и далее прим. пер.)

ке повернула голову к зеркалу — растрепанные волосы лежали на руке. И без того холодные руки еще больше ооченели. Не обращая на это внимания, она руками потянулась к полу. Ноги тоже бессильно спустились с кровати. В теле не осталось мышц, руки и ноги ужасно дрожали. Казалось, она вот-вот упадет. Ёнён пришлось напрячь все свои силы, чтобы доползти до стены возле зеркала, которая была всего в двух метрах от нее.

Какая-то женщина испуганно смотрела на нее из зеркала. Но если присмотреться, то становилось понятно, что на самом деле женщина охвачена не страхом, а горем. Это была та же женщина, на которую она смотрела с кровати. Внешнее сходство угадывалось лишь частично. Лицо до того осунулось и исхудало, что смотреть на себя становилось невыносимо, словно это была не она, а совершенно другой человек. Глаза безжизненные, пустой взгляд, неухоженная обвисшая кожа. Выглядит не меньше чем на сорок. Какой жалкий вид! Ей тут же вспомнилось лицо сестры, будто она видела ее вчера, — пухлые гладкие детские щечки. Вытирая слезы, Ёнён погладила себя по лицу. Прикосновения вызывали лишь отторжение. Трудно было поверить, что женщиной, которая плакала перед ней в зеркале, была сама Ёнён. Отражение было не просто старше Ёнён на одиннадцать лет. В нем чувствовалась глубокая печаль, которая появляется только у того, кто долгое время страдал. Кажется, все те мучения, которых она не чувствовала, пока лежала в коме, изменили ее лицо до неузнаваемости.

Никому не отводится одинаковое количество времени, и для всех оно течет по-разному. Пока ее сознание